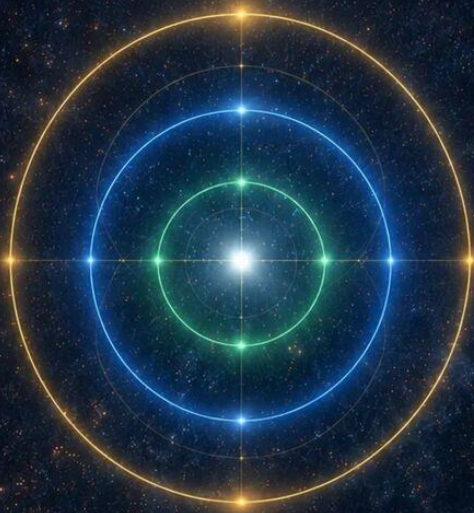

18+

ОНТОДИНАМИЧЕСКИЙ
МОРАЛЬНЫЙ
МОНИЗМ

Георгий Александрович Жуков

Георгий Жуков

Онтодинамический моральный монизм

<https://litres.ru/74319523>

ISBN 9785007027908

Аннотация

«Онтодинамический моральный монизм» — итоговая работа философа и нейропсихолога Георгия А. Жукова, объединяющая квантовую механику, эволюционную биологию и этику в единую картину реальности. Автор доказывает: детерминизм не враг свободы, а её условие; квантовая неопределённость создаёт объективное пространство для реального выбора; эволюция — двигатель, выращивающий мораль из безличных законов физики. Добро и зло объективны, как гравитация.

Содержание

Онтодинамический Моральный Монизм	5
Часть I. Введение: Зачем человечеству новое мировоззрение	6
Глава 1. Цель и метод	6
Глава 2. Три тупика современной мысли	11
Часть II. Детерминизм: каркас реальности	17
Глава 3. Рождение идеи: от Демокрита до Лапласа	17
Глава 4. Современный детерминизм: не тюрьма, а условие	24
Глава 5. Квантовый вызов и новое понимание причинности	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Онтодинамический моральный монизм

Георгий Жуков

© Георгий Жуков, 2026

ISBN 978-5-0070-2790-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Онтодинамический Моральный Монизм

Часть I. Введение: Зачем человечеству новое мировоззрение

Глава 1. Цель и метод

Человечество стоит на пороге беспрецедентного кризиса — и одновременно беспрецедентной возможности. Кризис этот не экономический и не климатический, хотя он питает и то, и другое. Это кризис фрагментации знания, кризис расколотого мира.

Три великие силы современности — наука, этика и экзистенциальное чувство осмысленности — перестали слушать друг друга. Наука, вооружённая величественным детерминизмом, описывает реальность как цепь безличных причин: от кварков до нейронов, всё подчинено уравнениям. Человек в этой картине — винтик. Свобода — иллюзия. Мораль — побочный продукт эволюции, полезная фикция, не имеющая отношения к истине.

Этика, напротив, настаивает на реальности добра и зла, на ответственности и выборе. Но, оторванная от научного фундамента, она вынуждена искать опору либо в древних

текстах, либо в субъективных эмоциях. В первом случае она догматична и беззащитна перед рациональной критикой; во втором — релятивистична и бессильна против вопроса «а почему, собственно, я должен?».

А между ними — живой человек, который чувствует: я выбираю, я отвечаю, мои поступки имеют вес. Это чувство неискоренимо. Мы просыпаемся с ним каждое утро. Но у нас нет языка, чтобы связать это чувство с научной картиной мира.

Цель этой книги — дать такой язык.

Мы ставим перед собой задачу небывалой сложности и глубины: построить единую концепцию, в которой физическая причинность, квантовая неопределённость и моральное долженствование будут не врагами, заключившими шаткое перемирие, а гранями одного целого. Это целое я называю Онтодинамическим Моральным Монизмом.

Название громоздко, но каждое слово в нём несёт точную нагрузку. Онтологический — потому что мораль мы выводим не из человеческих соглашений и не из божественного откровения, а из самого устройства бытия. Динамический — потому что это устройство не статично, оно разворачивается во времени, эволюционирует от простого к сложному, от

безличного к личностному, от аморального к моральному. Монизм — потому что мы утверждаем единство: нет двух миров, физического и этического; есть один мир, обладающий моральным измерением так же неотъемлемо, как пространственно-временным.

Мы не первые, кто пытается перебросить мост между наукой и моралью. Но многие попытки грешат одним из двух упрощений: либо мораль механически сводят к биологии («альтруизм — всего лишь генетическая программа»), либо науку мистифицируют, привнося в неё сверхъестественного законодателя. Наш путь иной. Мы берём самое жёсткое, что есть в науке — детерминистическую причинность, — и показываем, что она не враг свободы, а её необходимое условие. Мы берём самое неуловимое, что есть в физике — квантовую неопределённость, — и показываем, что она не хаос, а онтологическая основа для подлинного выбора. И мы берём самое древнее, что есть в человеке — нравственное чувство, — и показываем, что это не иллюзия и не каприз, а продукт и инструмент космической эволюции.

Метод этой работы — последовательное восхождение. Мы начнём с нижнего, фундаментального слоя: разберём детерминизм, очистим его от карикатурных наслоений и увидим его истинную роль — скелета реальности, без которого рухнет всякая связность. Затем поднимемся на средний

слой: рассмотрим, как квантовая природа мира взламывает жёсткую лапласовскую колею и создаёт пространство объективных возможностей. Далее — верхний слой: проследим, как в этом пространстве эволюция, этот слепой и гениальный скульптор, вытачивает формы кооперации, альтруизма и долженствования, порождая то, что мы называем моралью. И наконец, в завершающей части, мы сведём все три слоя в единую систему — Онтодинамический Моральный Монизм.

Заранее отвечу на возможное возражение: не является ли эта книга попыткой создать «научную религию» или «религиозную науку»? Нет. Мы не обожествляем науку и не низводим мораль до уравнений. Мы утверждаем, что реальность сложнее и богаче, чем любая из частных дисциплин. Физика права в своём описании частиц, но неполна. Этика права в своём требовании добра, но безосновна. И только вместе, в едином понятии, они обретают полноту.

Эта книга написана для тех, кто не хочет выбирать между истиной и смыслом. Для тех, кто чувствует, что величие космоса и тихий голос совести — это не два разных сигнала, а один, только пойманный разными приёмниками. Для человечества, которое устало от фрагментов и готово к целостности.

Работа, которую вы держите в руках, — итог многолетне-

го синтеза, но она не претендует на статус последнего слова. Скорее, это программа, приглашение к исследованию. Я предлагаю новую оптику — Онтодинамический Моральный Монизм. А дальше — смотреть сквозь неё и видеть мир, в котором причинность не душит свободу, свобода не отменяет истину, а добро так же реально, как гравитация.

Глава 2. Три тупика современной мысли

Прежде чем строить новое, необходимо честно осмотреть то, что уже существует, и понять, почему существующие способы связать науку и мораль не работают. Их можно условно разделить на три большие категории. Каждая из них предлагает свой ответ на вопрос о природе добра, и каждая — при всех исторических заслугах — заводит мысль в тупик.

Первый тупик: религиозная этика без доказательств.

Это древнейший и наиболее эмоционально укоренённый подход. Мораль здесь имеет источник — божественный закон, откровение, священный текст. Добро объективно, потому что оно предписано Абсолютом. Зло реально, потому что оно есть отпадение от этого предписания.

Сила этого подхода — в его бескомпромиссности. Он даёт человеку твёрдую почву: есть заповеди, есть последствия, есть смысл. Моральный выбор здесь — не иллюзия, а центральная драма бытия.

Но слабость этого подхода для современного сознания фатальна. Он не доказуем. Он покоится на предпосылке, кото-

рую невозможно верифицировать вне самой традиции. Почему этот текст священен, а не другой? Почему это откровение истинно, а иное — ложно? На эти вопросы религия отвечает верой, но вера, при всём её экзистенциальном богатстве, не может служить универсальным основанием в мире, где сосуществуют тысячи традиций и где наука приучила ум требовать доказательств.

Более того, религиозная этика неизбежно сталкивается с проблемой теодицеи: если благой Бог сотворил мир, откуда в нём зло? Если моральный закон абсолютен, почему он так по-разному трактуется даже внутри одной традиции? Эти вопросы не имеют удовлетворительного рационального ответа внутри самой системы. В итоге религиозная этика, при всей своей культурной значимости, не может претендовать на роль универсального языка, объединяющего науку и мораль. Она обращается к тем, кто уже верит, и бессильна перед тем, кто искренне не верит.

Второй тупик: научный материализм без ценностей.

Этот подход — дитя Нового времени и триумфа естественных наук. Он утверждает: реальность исчерпывается материей и её законами. Всё, что существует, в конечном счёте сводимо к физике. Сознание — продукт мозга. Свобода воли — иллюзия, порождённая сложностью нейронных

вычислений. Мораль — эволюционно выгодная фикция, помогавшая нашим предкам выживать в группах.

Сила этого подхода — в его честности и методологической строгости. Он не множит сущностей без необходимости. Он требует доказательств и предсказательной силы. Именно он дал нам современную медицину, технологии, понимание космоса.

Но его слабость — экзистенциальная. Научный материализм блестяще отвечает на вопрос «как?» и молчит на вопрос «зачем?». Более того, он принципиально отказывается признавать осмысленность самого вопроса «зачем?». В его картине мира человек есть высокоорганизованная материя, лишённая подлинной свободы и подлинной ответственности. Мораль — это просто удобное соглашение, вроде правил дорожного движения. Нет никакого объективного добра, есть лишь адаптивные стратегии.

Но здесь-то и возникает трещина. Если мораль — фикция, то любое долженствование повисает в воздухе. Почему я должен поступать хорошо, если мои гены и среда уже всё предопределили? Почему я должен заботиться о будущем человечества, если я — лишь сгусток частиц, временно осознающий себя? Научный материализм, если быть до конца последовательным, лишает мораль онтологического фун-

дамента. Он объясняет, почему мы верим в добро, но не может обосновать, существует ли добро на самом деле.

Этот тупик особенно мучителен для мыслящего человека: он даёт знания, но отнимает смысл.

Третий тупик: постмодернистский релятивизм без истины.

Этот подход — самый молодой и самый радикальный. Он утверждает, что все истины — конструкции. Нет никакой объективной реальности, доступной незамутнённому взгляду. Всё, что мы называем знанием, включая науку и мораль, есть продукт языка, власти, культуры, исторической случайности. Добро и зло — это ярлыки, которые сильные наклеивают на удобное и неудобное. Объективной морали не существует, как не существует и объективной истины.

Сила этого подхода — в разоблачении наивности. Он справедливо указывает, что многие «вечные истины» прошлого были пристрастны, что под маской объективности часто скрывались интересы господствующих групп. Он учит подозрительности и скромности.

Но его слабость — самоубийственна. Если истины нет, то и само утверждение «истины нет» — не истинно. Если

мораль — лишь конструкт власти, то и осуждение власти — всего лишь ещё один конструкт, ничем не лучше первого. Постмодернизм разъедает собственный фундамент. Он оставляет человека в мире, где всё дозволено и ничто не обязательно. Это освобождение оборачивается пустотой.

Хуже того: постмодернизм бессилён перед лицом реальных вызовов. Экологический кризис, социальное неравенство, угроза искусственного интеллекта — всё это требует не «деконструкции», а действия, основанного на представлении о том, что одни состояния мира объективно лучше других. Но постмодернизм не может дать для этого оснований, не изменив себе.

Общая черта трёх тупиков.

У всех трёх подходов есть общая черта: они разрывают реальность надвое. Религиозная этика отделяет горний мир должного от дольного мира сущего. Научный материализм отделяет объективные факты от субъективных ценностей, объявляя последние несущественными. Постмодернизм отделяет текст от реальности, а затем и вовсе упраздняет реальность.

Человечество нуждается не в выборе одного из трёх тупиков и не в их бесплодном компромиссе. Ему нужен вы-

ход. Ему нужна система, в которой мораль не выносится за скобки физического мира, а физический мир не лишается морального измерения.

Этот выход — Онтодинамический Моральный Монизм, к построению которого мы теперь приступаем. Но прежде чем возводить верхние этажи, необходимо заложить фундамент. Этой задаче посвящена Часть II: мы начнём с самого жёсткого и бескомпромиссного — с детерминизма, чтобы показать, что даже он не враг морали, а её необходимое основание.

Часть II. Детерминизм: каркас реальности

Глава 3. Рождение идеи: от Демокрита до Лапласа

Идея о том, что всё в мире подчинено причинности, стара как сама философия. Задолго до того, как наука обрела свой современный метод, человеческий ум уже догадывался: хаос событий — лишь видимость, за которой скрывается строгий порядок. Эта догадка прошла долгий путь от умозрительных прозрений древности до математически отточенной картины мира Нового времени. Проследить этот путь необходимо, чтобы понять, почему детерминизм стал краеугольным камнем науки и почему он до сих пор вызывает столько споров, когда речь заходит о человеке.

Античные корни: атомы и необходимость.

Первыми, кто сформулировал детерминистическое видение в явном виде, были греческие атомисты — Левкипп и его великий ученик Демокрит, жившие в V—IV веках до нашей эры. Их исходная интуиция была поразительно современ-

ной: всё сущее состоит из мельчайших неделимых частиц — атомов, — движущихся в пустоте. Атомы вечны, неизменны и подчиняются единственному закону — необходимости. Ничто не происходит случайно, говорил Демокрит: всё имеет причину и происходит по необходимости.

В этом космосе нет места божественному произволу или чуду. Боги атомистов — если они вообще существуют — сами состоят из атомов и подчинены тем же законам. Человек — тоже скопление атомов, и его душа, состоящая из особо тонких и подвижных огненных атомов, так же смертна и так же детерминирована, как и тело. Свобода здесь — это не нарушение причинности, а познание необходимости и действие в согласии с ней. Мудрец свободен не потому, что может поступить иначе, а потому, что понимает неизбежное и не противится ему.

Эпикур, наследник атомизма, попытался внести поправку: он ввёл идею спонтанного отклонения атомов — клинамена, — чтобы оставить место для свободы воли. Но эта поправка осталась умозрительной и не прижилась в науке. Основная линия атомизма осталась детерминистической.

Рядом с атомизмом существовало и другое мощное течение — стоицизм. Стоики говорили о Логосе, всеобщем разумном законе, пронизывающем космос. Всё, что происхо-

дит, предопределено этим законом. Свобода для стоика — не в изменении хода событий, а во внутреннем принятии судьбы. «Желающего судьба ведёт, нежелающего — тащит», — говорил Сенека. И в этой формуле уже слышен отзвук будущих споров о свободе в детерминированном мире.

Механика Нового времени: математизация причинности.

Античный детерминизм был гениальной догадкой, но ему не хватало математического аппарата, чтобы стать наукой. Этот аппарат родился в XVII веке.

Галилео Галилей, формулируя законы падения тел, показал, что движение поддаётся точному математическому описанию. Он же провозгласил знаменитый принцип: природа — это книга, написанная на языке математики. Кто владеет этим языком, тот может читать книгу природы — а значит, и предсказывать её страницы.

Исаак Ньютон сделал следующий, решающий шаг. Его законы механики и закон всемирного тяготения оказались универсальными: одни и те же уравнения описывали падение яблока и движение планет. Вселенная предстала как грандиозный механизм, работающий с точностью часов. Если известны начальные условия — положения, массы и скорости всех тел, — то будущее может быть вычислено с абсо-

лютной точностью. В этой картине мира нет принципиальной разницы между движением кометы и биением человеческого сердца: и то и другое — следствие одних и тех же законов.

Ньютон сам был человеком глубоко религиозным и не считал свою механику исчерпывающим описанием реальности. Он оставлял место для Бога — как творца, давшего первый толчок, и как хранителя, подправляющего ход мировой машины. Но его последователи быстро отбросили эту оговорку. Для них Вселенная стала самодостаточным механизмом, не нуждающимся во внешнем вмешательстве.

Просвещение: триумф разума.

XVIII век, эпоха Просвещения, довёл детерминистическую программу до её логического предела. Природа прозрачна для разума. Разум способен постичь все законы. Человек — часть природы, а значит, и его поведение может быть познано и предсказано.

Жюльен Офре де Ламетри в 1747 году публикует трактат «Человек-машина», где прямо заявляет: человек есть не что иное, как сложная машина, и его душа — функция телесной организации. Мораль и мышление — продукты физиологических процессов. Свобода — иллюзия невежества.

Поль Анри Гольбах, барон и философ-материалист, в «Системе природы» разворачивает грандиозную картину тотальной необходимости. Фатализм, которому он дал имя, утверждает: всё связано единой цепью причин. Наши поступки не более свободны, чем падение камня. Мы думаем, что выбираем, но на самом деле в нас действуют скрытые силы — темперамент, воспитание, обстоятельства, — которые строго детерминируют наш выбор.

Именно в этом контексте появляется фигура, ставшая символом детерминизма, — Пьер-Симон Лаплас.

Лаплас и его Демон.

Лаплас был не только выдающимся математиком и астрономом, но и блестящим популяризатором науки. В своём «Опыте философии теории вероятностей» (1814) он сформулировал мысль, которая навсегда вошла в историю мысли:

«Мы должны рассматривать настоящее состояние Вселенной как следствие её предыдущего состояния и как причину последующего. Ум, которому были бы известны для какого-либо данного момента все силы, действующие в природе, и относительное положение всех её составных частей, если бы он, кроме того, оказался достаточно обширным, чтобы

подвергнуть эти данные анализу, обнял бы в одной формуле движения величайших тел Вселенной и легчайших атомов; для него не было бы ничего неясного, и будущее, так же как и прошедшее, было бы перед его глазами».

Этот гипотетический всеведущий ум получил впоследствии имя «Демона Лапласа». Суть концепции в следующем: если Вселенная подчиняется детерминистическим законам, то по одному мгновенному снимку всех частиц и их скоростей можно вычислить и всё прошлое, и всё будущее. Время становится просто развёрткой уже существующей свёртки. Всё, что произойдёт, уже заложено в настоящем, как дуб заложен в жёлуде.

Знаменитая легенда гласит, что когда Лаплас подарил свою «Небесную механику» Наполеону, император заметил: «Вы написали книгу о системе мира и ни разу не упомянули его Творца». Лаплас ответил: «Сир, я не нуждался в этой гипотезе». Ответ глубже, чем просто атеизм: он означает, что мир объясним из самого себя, без внешних причин. Законы физики достаточны.

Значение лапласовского детерминизма.

Для науки лапласовский детерминизм стал идеалом. Он задал программу: найти законы, которые с математической

точностью описывают реальность, и тогда мир станет полностью познаваемым. Эта программа дала невероятные плоды: от предсказания положения планет до расчёта траекторий космических аппаратов. Она утвердила веру в то, что за видимым хаосом всегда стоит порядок.

Но для понимания человека лапласовский детерминизм поставил проблему, которая не решена до сих пор. Если всё предопределено, если каждое моё решение — лишь неизбежный результат движения атомов в моём мозгу, то что происходит с ответственностью? Что происходит с моралью? Что происходит с самим ощущением «я выбираю»?

Лаплас, как и многие просветители, не видел здесь трагедии. Он считал, что познание необходимости и есть высшая свобода. Но интуиция сопротивляется: если я не могу поступить иначе, меня нельзя ни хвалить, ни порицать. Моральный суд теряет смысл.

Это противоречие между детерминизмом науки и моральным чувством человека — центральная драма Нового времени. И чтобы её разрешить, нам нужно посмотреть, что стало с детерминизмом в последующие два века. Действительно ли он — тюрьма? Или он — фундамент, на котором только и может стоять здание свободы?

Глава 4. Современный детерминизм: не тюрьма, а условие

Лапласовский детерминизм часто воспринимается как мрачный приговор: если всё предопределено, то человек — лишь марионетка, дёргающаяся за ниточки причин. Этот образ глубоко въелся в культуру. Но он основан на недоразумении. Современная наука, углубив понимание причинности, показала: детерминизм — не тюрьма, а необходимое условие для того, чтобы в мире вообще могли существовать осмысленное действие, ответственность и мораль. Без причинности не было бы ни свободы, ни добра, ни зла — был бы только хаос, в котором любое намерение рассыпается в пыль.

Причинность в теории относительности и космологии.

Начнём с крупнейшего масштаба. Общая теория относительности Эйнштейна — одна из вершин детерминистической физики. Уравнения Эйнштейна связывают распределение материи и энергии с геометрией пространства-времени. Если заданы начальные условия на некоторой пространственноподобной поверхности, уравнения однозначно определяют всю дальнейшую эволюцию Вселенной. Никакого внешнего вмешательства не требуется. Космос разворачивается сам, следуя внутренней логике своей ткани.

Но здесь же возникает и важное уточнение. Пространство-время в теории относительности не есть жёсткая сцена, на которой разыгрывается спектакль. Оно само — участник действия. Причинность в релятивистском мире ограничена световыми конусами: событие А может повлиять на событие Б только в том случае, если между ними возможна передача сигнала, не превышающая скорость света. Это не отменяет детерминизм, но придаёт ему локальный, структурный характер. Причинная связь — не магическое дальное действие через всю Вселенную мгновенно, а цепочка взаимодействий, распространяющихся с конечной скоростью.

Космология Большого взрыва добавляет ещё один штрих. Сама Вселенная имеет начало во времени. Уравнения работают, только начиная с некоторого момента (планковского времени) после сингулярности. Что было «до» — вопрос, на который физика пока не даёт ответа. Детерминизм, таким образом, не обязан утверждать вечность и безначальность мира. Он просто говорит: начиная с заданного состояния, мир эволюционирует закономерно.

Причинность в нейробиологии: мозг как каузальная сеть.

Спустимся теперь к человеку. Если детерминизм верен, то мозг — орган мышления и принятия решений — должен

работать по причинным законам. Так ли это? Нейробиология последних десятилетий отвечает: да, именно так.

Каждый акт сознания, каждое намерение, каждое моральное суждение имеет нейронный коррелят. Нейроны обмениваются электрическими и химическими сигналами. Эти сигналы подчиняются законам физики и биохимии. Аксон проводит импульс не потому, что «хочет», а потому, что мембранный потенциал достиг порога. Синапс выбрасывает нейромедиатор не произвольно, а в ответ на пришедший потенциал действия. Всё это — причинно-следственные цепочки, доступные измерению и моделированию.

Знаменитые эксперименты Бенджамина Либета, а позже и более современные исследования с фМРТ показали, что мозг начинает готовить движение за доли секунды до того, как человек осознаёт своё намерение его совершить. Это открытие вызвало бурю: если мозг «решает» до сознания, не значит ли это, что свобода — иллюзия?

Но здесь нужно быть осторожным с интерпретацией. Во-первых, речь идёт о простых моторных актах, а не о сложных моральных решениях. Во-вторых, сам Либет обнаружил, что у сознания остаётся «право вето» — возможность остановить уже начатое действие. В-третьих, и это самое главное для нашей темы: причинная работа мозга не отменяет субъ-

екта, она и есть его физиологический механизм. Сознание не висит над мозгом как отдельная субстанция — оно является процессом в мозге, процессом, который детерминирован, но от этого не перестаёт быть моим процессом.

Ключевой момент: детерминизм работы мозга не делает человека марионеткой. Напротив, он делает поведение человека предсказуемым для других и оцениваемым. Если бы мозг работал хаотично, без причинной связи между входами и выходами, никто не мог бы ни на кого положиться. Обещание не имело бы веса. Угроза наказанием не сдерживала бы преступника. Воспитание не формировало бы характер. Хаос уничтожил бы саму возможность социальной жизни.

Почему без причин невозможна ни наука, ни мораль.

Здесь мы подходим к центральному аргументу этой главы. Детерминизм часто изображают врагом свободы и морали. Но давайте проведём мысленный эксперимент: представим мир, в котором детерминизма нет.

В таком мире поступки не вытекают из характера. Характер не формируется воспитанием. Воспитание не оказывает причинного воздействия на ребёнка. Обещание, данное сегодня, не имеет никакой связи с действием завтра. Суд не может приписать деяние обвиняемому, потому что между лич-

ностью и поступком нет причинной связи. Наказание не учит и не удерживает, потому что прошлые причины не влияют на будущее поведение. Похвала и порицание бессмысленны, потому что они не являются причинами, способными изменить чьё-либо поведение.

В таком мире мораль невозможна. Она попросту не работает. Мораль — это система норм, которая причиняет определённое поведение через воспитание, совесть, общественное мнение, закон. Если убрать причинность, вся эта система рассыпается. Свобода без детерминизма — это не возвышенная автономия, а беспомощный произвол, при котором намерение не связано с результатом.

Философ Дэниел Деннетт выразил эту мысль в ёмкой формуле: детерминизм — это не враг свободы, а её условие. Чтобы быть свободным, нужно, чтобы твои решения были твоими — то есть причинно укоренёнными в твоём характере, твоих ценностях, твоём опыте. Если решение выскакивает из ниоткуда, ломая причинную цепь, оно не свободно — оно случайно. А случайность — не свобода. Свободный поступок — это поступок, который я могу признать своим, потому что он вырос из моей личности, а не свалился с неба.

Детерминизм как гарант осмысленности действий.

Осмысленное действие — это действие, которое имеет причину в виде намерения и достигает следствия в виде результата. Я хочу пить (причина), я беру стакан (действие), я утоляю жажду (следствие). Вся эта цепочка осмысленна только при условии, что мир детерминистичен: что взятие стакана действительно приводит к утолению жажды, а не к произвольному результату.

То же самое с моральными действиями. Я хочу утешить друга (моральное намерение), я говорю слова поддержки (действие), друг чувствует облегчение (следствие). Если бы между словами и чувствами не было причинной связи, мораль была бы бессильна. Детерминизм — это то, что делает мораль действенной.

Более того, детерминизм делает возможным моральное познание. Мы учимся добру, наблюдая причинные связи: «этот поступок причинил боль — не делай так», «этот поступок принёс радость — делай так». Если бы одни и те же поступки в одних и тех же условиях приводили к разным, случайным результатам, никакое моральное знание не могло бы накопиться. Детерминизм — это закон тяготения нравственного мира: он обеспечивает регулярность, без которой ориентация в моральном пространстве невозможна.

Таким образом, современное понимание детерминизма

далеко ушло от карикатурного образа «вселенской тюрьмы». Причинность не душит свободу — она создаёт для неё почву. Она не отменяет мораль — она делает мораль работающей. Лапласовский Демон, знающий все причины, не был бы врагом человека — он был бы идеальным судьёй, способным увидеть подлинную связь между характером и поступком, а значит, и подлинную ответственность.

Но остаётся закономерный вопрос: если детерминизм так хорош, почему же интуиция бунтует? Почему нам кажется, что настоящая свобода требует разрыва причинных цепей? Ответ на этот вопрос пришёл из самой неожиданной области — из квантовой физики.

Глава 5. Квантовый вызов и новое понимание причинности

К началу XX века казалось, что здание физики почти построено. Механика Ньютона объясняла движение тел, термодинамика — тепловые процессы, электродинамика Максвелла — свет и электричество. Оставались лишь мелкие нестыковки, «облачка на горизонте», как выражались оптимисты. Но именно эти облачка разразились бурей, которая перевернула основания науки. Квантовая механика не просто уточнила детали ньютоновской картины — она поставила под вопрос саму идею однозначной, жёсткой причинности. Однако, вопреки распространённому мнению, она не уничтожила детерминизм, а трансформировала его в более тонкую и плодотворную форму — вероятностную причинность.

Кризис классической причинности.

Первая трещина возникла в 1900 году, когда Макс Планк, изучая излучение нагретого тела, был вынужден предположить, что энергия испускается не непрерывно, а порциями — квантами. Это был математический трюк, который сам Планк считал временной мерой. Но за ним последовали открытия, делавшие квантовую природу реальности всё более неоспоримой. Эйнштейн в 1905 году показал, что свет со-

стоит из частиц — фотонов. Бор в 1913 году построил модель атома, в которой электроны могли находиться только на дискретных орбитах, перескакивая между ними без промежуточных состояний.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.